

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ ПРОКУРОРА
В СУДЕ ВТОРОЙ И НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ

В статье анализируется функциональная составляющая деятельности прокурора в судах второй и надзорной инстанции, делается вывод о первичности функции надзора за законностью в системе процессуальных функций прокурора.

Ключевые слова: прокурор, функция, суды второй и надзорной инстанции, надзор за законностью.

E. O. Bezmelnitsina, E. A. Zaitseva

ABOUT CRIMINALLY-PROCEDURAL FUNCTION
OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN CASSATION AND SUPERVISING ORDER COURTS

In article is analysed functional forming activity of the public prosecutor in cassation and supervising order courts, is done conclusion that function of the control for legality is the primary function of the public prosecutor.

The keywords: public prosecutor, function, cassation and supervising order courts, control for legality.

При рассмотрении вопроса о функциях прокурора в суде второй и надзорной инстанции следует исходить не только из содержания ст. 15 УПК РФ, закрепляющей принцип состязательности, ядро которого составляет противоборство сторон — носителей основных уголовно-процессуальных функций. Данная классификация функций по УПК РФ отражает соотношение сил именно в системе координат принципа состязательности сторон. В реальной жизни присутствует более широкий спектр направлений уголовно-процессуальной деятельности, которые также, вне всякого сомнения, можно называть функциями. Так, по мнению В. Г. Даева, сторонника концепции множественности процессуальных функций, состязательная (обвинительная) конструкция процесса не соответствует реальной расстановке сил участников

судопроизводства, она искусственно противопоставляет стороны [1].

Этот подход позволяет выделить в деятельности прокурора, участвующего в суде второй и надзорной инстанции, не только доминирующее направление, определяемое его принадлежностью к стороне обвинения, но и ряд других, не менее важных функций. Мы полагаем, что сведение назначения прокурора в уголовном судопроизводстве только к реализации функции обвинения превращает его просто в сторону процесса, в то время как роль его гораздо более важная и значимая для обеспечения интересов государства, общества, для достижения целей уголовного судопроизводства.

Проблема идентификации процессуальных функций прокурора в суде второй и надзорной инстанций

волновала ученых-процессуалистов еще в середине прошлого века. Так, например, М. М. Гродзинский, исследуя функциональную составляющую в деятельности прокурора, отождествлял функцию обвинения, которую выполняет прокурор в судах второй инстанции, с надзором за законностью: «В качестве стороны в процессе прокурор осуществляет надзор за законностью путем поддержания обвинения в стадии судебного разбирательства и путем принесения кассационного протеста на приговор, если находит, что дело разрешено неправильно» [2, с. 23]. Право прокурора на опротестование приговоров он связывает исключительно с его участием в деле в качестве представителя государственного обвинения, т. е. в качестве стороны. Однако, полагая, что представление об обусловленности права прокурора на опротестование приговора принадлежностью его к стороне обвинения является несколько узким, тем более это высказывание противоречит дальнейшим рассуждениям самого М. М. Гродзинского: «Вместе с тем прокурор является органом надзора за законностью и потому, не ограничиваясь изложением доводов в развитие и обоснование кассационного протеста, должен также представить суду свои соображения об основательности или неосновательности доводов, содержащихся в принесенных по данному делу кассационных жалобах других сторон» [2, с. 44—45]. Следовательно, прокурор в кассационном суде выполняет не только функцию государственного обвинения, но и функцию надзора за законностью. Сходную позицию по определению функций прокурора в суде второй инстанции занимали в свое время Н. Н. Полянский [3, с. 165], Э. Ф. Шейно [4, с. 9].

В 50-е годы прошлого века высказывались и две другие крайние точки зрения. Сторонники одной

признавали за прокурором в кассационном суде только функцию обвинения [5], а другие считали, что прокурор в кассации не является обвинителем [6]. Так, по мнению Л. М. Шифмана, «пока приговор не вступил в законную силу, пока дело подвергается кассационно-ревизионной проверке во второй инстанции, прокурор, как правило, продолжает выполнять функции обвинения, то есть отстаивает обвинительный приговор в суде второй инстанции, либо поддерживает свой протест на оправдательный приговор или на приговор, подлежащий, по его мнению, отмене по мягкости назначенной судом меры наказания» [7, с. 50].

С его позицией спорит И. И. Мухин, отмечая, что «если в суде первой инстанции, призванном рассматривать дело по существу, прокурор при доказанности состава преступления в действиях подсудимого выступает обвинителем по делу, то в суде второй инстанции, который в силу закона выполняет совершенно иные функции и задачи, процессуальное положение прокурора соответственно этому становится иным. Он — не сторона в процессе, не обвинитель по делу, а представитель прокуратуры, дающий заключение о законности и обоснованности приговора» [8, с. 84, 89.]. Более того, И. И. Мухин подчеркивает, что «если в суде первой инстанции, выступая по делу, прокурор является стороной в процессе и как сторона он поддерживает обвинение, осуществляя тем самым функцию надзора за законностью, то в суде второй инстанции, поддерживая протест по делу, прокурор выступает не в роли обвинителя, а в роли представителя вышестоящей прокуратуры, осуществляющей надзор за законностью действий нижестоящего прокурора, и суда первой инстанции по вынесению приговора» [8, 91].

Возможно, в условиях действия УПК

РСФСР 1923 г., когда писались вышеуказанные работы, подобные высказывания имели под собой реальную почву. Однако следует учесть особенности современного состояния системы пересмотра не вступивших в силу судебных решений: апелляционный порядок пересмотра приговоров мировых судей предусматривает непосредственное исследование доказательств судом с участием сторон обвинения и защиты и принятие решения о виновности (невиновности) подсудимого с вынесением об этом приговора. Анализ содержания ч. 4 ст. 377 УПК РФ тоже дает основание для вывода о возможности непосредственного исследования доказательств судом кассационной инстанции, что также влияет на оценку функциональной составляющей деятельности прокурора в этих условиях.

Рассматривая вопрос о функциях прокурора в судебных стадиях, следует отметить, что даже среди процессуалистов, изучавших полномочия прокурора в суде первой инстанции, не было единства по вопросу о выполнении им только функции обвинения в судебном разбирательстве. Так, исследуя ролевое предназначение прокурора в суде первой инстанции, В. И. Басков утверждал, что «поддерживает ли прокурор государственное обвинение или отказывается от обвинения, дает ли заключение по возникающим в судебном разбирательстве вопросам, принимает ли на себя поддержание гражданского иска — во всех этих формах он выполняет функцию надзора за законностью в рассмотрении судами уголовных дел.

Поэтому неправильно было бы сводить роль прокурора в суде только к роли обвинителя. При поддержании обвинения против лица, совершившего преступление, прокурор исполняет конституционную обязанность по охране законности, добиваясь единообразного понимания и правильного применения

судом уголовного закона. В то же время в ходе судебного разбирательства он следит за соблюдением всех норм процессуального закона, принимает меры к ограждению от нарушений законных интересов всех участников уголовного процесса» [9; 5]. Таким образом, учеными не однозначно рассматривалась роль прокурора даже в суде первой инстанции, где он поддерживает государственное обвинение.

Актуальность и острота данной дискуссии на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства и процессуальной науки не утрачена. В связи с изданием федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [10], который внес значительные кардинальные изменения в действующий УПК РФ и федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» требуется переосмысление роли прокурора не только в досудебном производстве (что вытекает из содержания указанного закона № 87-ФЗ), но и всей концепции прокурорского надзора в российском уголовном судопроизводстве.

В системе процессуальных отношений, которые были регламентированы прежней редакцией УПК РФ, где прокурор в досудебном производстве выступал в качестве органа предварительного расследования, наделенного не только правом дачи согласия на возбуждение уголовного дела следователем и дознавателем, но и полномочным самостоятельно возбуждать уголовные дела, принимать их к своему производству, участвовать в производстве предварительного расследования и лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия (пп. 2, 3 ч. 2 ранее действовавшей редакции ст. 37 УПК РФ) превалирование функции уголовного преследования в деятельности прокурора не вызывало никаких сомнений у

ученых и практиков. При таком режиме осуществления и с учетом «вектора направленности» уголовно-процессуальной деятельности прокурора можно было бы с полной уверенностью утверждать, что основная функциональная составляющая этой деятельности — уголовное преследование, которое в судебных стадиях трансформируется в функцию государственного обвинения.

Однако в современном уголовном судопроизводстве прокурор не осуществляет те действия и не принимает те решения, в которых ярко раскрывается функция уголовного преследования: он не возбуждает уголовное дело, не избирает меру пресечения, не осуществляет задержание лица по подозрению в совершении преступления, не проводит следственные действия. В досудебном производстве в соответствии с федеральным законом № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. прокурор теперь выполняет исключительно надзорные полномочия в отношении органов предварительного следствия и дознания и полномочия процессуального руководства деятельностью органов дознания. Именно в суде первой инстанции прокурор начинает реализовывать государственное обвинение, под которым Н. Ю. Дупак обоснованно понимает этап осуществления уголовно-процессуальной функции обвинения, выполняемой в специфических условиях судебного разбирательства специально уполномоченным государственным органом — прокурором [11, с. 25—26].

По мнению Н. Ю. Дупак, чаще всего для обозначения обвинительной деятельности на стадии предварительного расследования используется термин «уголовное преследование», а для обвинительной деятельности в суде первой инстанции «государственное обвинение» [12]. Представляется, что данные виды деятельности являются определенными этапами реализации функции государственного обвинения (публичного уголовного преследования [13]) в целом, обособленными по признакам субъектов,

ее осуществляющих, а также специфики обвинительной деятельности [11, с. 23].

Тем не менее необходимо помнить, что еще до начала реализации в судебных стадиях функции государственного обвинения (этапа уголовного преследования) прокурор выполняет функцию процессуального надзора за законностью в деятельности органов предварительного расследования на досудебных стадиях процесса. Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

И хотя законодатель надзорные полномочия прокурора ограничил в тексте ст. 37 УПК РФ только досудебным производством, ни у кого не возникает сомнений, что надзор за соблюдением законности в судебных стадиях является весомой составляющей в деятельности прокурора, участвующего в судебном производстве. Выясняя соотношение надзорных полномочий прокурора и его полномочий в связи с поддержанием функции государственного обвинения, можно прийти к выводу о первичности функции надзора за законностью в деятельности прокурора, ибо она предопределяет дальнейшее содержание его действий, связанных с поддержанием обвинения в суде. В связи с этим следует отметить обоснованность позиции Н. В. Скорик в данном вопросе, которая была высказана еще в 70-е годы прошлого века: «Формы деятельности прокурора в различных стадиях процесса могут меняться, но при этом прокурор неизменно остается представителем органа надзора за законностью. Более того, различные процессуальные формы, в которых осуществляется деятельность прокурора в той или иной стадии, являются по существу конкретным проявлением его деятельности как органа надзора за законностью. Это обстоятельство имеет принципиальное

значение для решения вопроса о процессуальном положении прокурора» [14, с. 8].

Сходная точка зрения высказывалась В. И. Басковым и О. П. Темушкиным применительно к деятельности прокуроров в суде кассационной инстанции: «Осуществляя свои функции в кассационном производстве, прокуроры обеспечивают надзор за правильным и единообразным применением законов судебными органами, за соблюдением законности при рассмотрении судами первой инстанции уголовных дел, за законностью и обоснованностью приговоров и других судебных решений по конкретным делам. Независимо от того, дает ли прокурор заключение по жалобе осужденного или его защитника или поддерживает протест, он выступает в качестве представителя органа, осуществляющего надзор за соблюдением законности при рассмотрении судом уголовных дел. При этом заключение прокурора и поддержание протеста есть лишь различные формы осуществления этого надзора» [15, с. 17—18].

Доминирование функции надзора за законностью в полномочиях прокурора обусловлено превалированием публичных начал в его деятельности как представителя государства. Учитывая публичный характер уголовного процесса, направленность конкретных процессуальных действий и решений государственных органов на обеспечение назначения уголовного судопроизводства, нельзя не отметить, что именно принцип публичности предопределяет основное функциональное предназначение прокурора при участии его в различных уголовно-процессуальных отношениях. Положение прокурора как стороны в процессе «вторично», оно вытекает из ролевого предназначения прокурора как органа надзора за законностью, но не детерминирует его. Регулятивное воздействие на статус прокурора принципа состязательности в уголовном процессе должно быть меньшим, чем принципа публичности.

Безусловно, права М. Т. Аширбекова, которая утверждает, что уголовное судопроизводство представляет собой сферу

суверенной деятельности государства, а принцип публичности, являясь выражением доминирующего в уголовно-процессуальном праве императивного метода правового регулирования, действует самостоятельно наряду с принципом состязательности как результатом альтернативного метода регулирования — диспозитивного [16, с. 62, 68]. Влияние состязательных начал на характер деятельности прокурора проявляет себя исключительно в судебном производстве при поддержании им функции обвинения, которая не довлеет над функцией надзора за законностью, а является органическим ее продолжением.

Осуществление функции государственного обвинения не снимает с прокурора возложенной на него государством, обществом обязанности надзора за законностью в судебных стадиях уголовного процесса. Только подобный подход способен обеспечить торжество закона и такой режим уголовного судопроизводства, при котором бы реально гарантировалось каждому участнику процессуальных отношений соблюдение его прав и свобод. Акцентирование в законе исключительно обвинительной функции прокурора, позиционирование его только как стороны в процессе ведет к снижению престижа прокуратуры как органа надзора за законностью, к уменьшению эффективности борьбы с преступностью, к ослаблению режима защищенности прав и законных интересов участников уголовного процесса. Не случайно наш законодатель принятием федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ осуществил решительные шаги по возвращению прокуратуре ее роли как органа надзора за законностью.

Опрос сотрудников прокуратуры [17] показал, что практические работники выделяют несколько направлений, которые определяют функциональное содержание конкретной деятельности прокурора в судебных стадиях: функцию надзора за законностью (так ответили 14 опрошенных); функцию государственного обвинения (30 опрошенных); обе эти функции (46 опрошенных — самый распространенный ответ); функцию

охраны прав и законных интересов участников уголовного процесса (*так ответили 43 человека*); функцию поддержания доводов кассационного, апелляционного и надзорного представления (*4 ответа*); функцию поддержания гражданского иска (*6 опрошенных*).

Таким образом, практические работники в качестве основных выделяют в деятельности прокурора, участвующего в суде кассационной и надзорной инстанции, функцию надзора за законностью, функцию государственного обвинения и правозащитную функцию [18, с. 13]. Анализ данных трех функциональных составляющих позволяет выстроить определенную иерархию: прокурор поддерживает государственное обвинение с целью реализации уголовной ответственности лица, совершившего противоправное деяние, запрещенное уголовным законом, — фактически в этом выражается его функция надзора за законностью. Охрана прав и законных интересов участников уголовного процесса — это также одно из проявлений функции надзора за законностью, так как, выявляя нарушения прав участников процесса, требуя устранения обнаруженных нарушений, прокурор тем самым осуществляет и надзорные полномочия. Таким образом, можно утверждать, что поддержание прокурором доводов кассационного, апелляционного и надзорного представления и поддержание им гражданского иска являются проявлениями функции надзора за законностью, так как эта деятельность тоже связана с устранением выявленных нарушений закона.

Наш тезис о базовой функции прокурора — функции надзора за

законностью — также вытекает из содержания ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которой «прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации» [19]. И хотя далее в указанной норме отмечается, что прокуратура Российской Федерации выполняет и иные функции, установленные федеральными законами, буквальное толкование анализируемых предписаний подтверждает правильность нашего умозаключения о первичности функции надзора за законностью в деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве в целом, и судебных стадиях в частности.

Список библиографических ссылок

1. Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в советском уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 1.
2. Гродзинский М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1953.
3. Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960.
4. Шейно Э. Ф. Советская кассация. М., 1964.
5. Куцова Э. Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии. М., 1957. С. 42—43; Познанский В. А. Кассационный пересмотр приговоров в советском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1956. С. 20.
6. Лебединский В. Г., Каленов Ю. А. Прокурорский надзор в СССР. М., 1956. С. 169—170; Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 143, 181—186; Тадевосян В. С. Прокурорский надзор в СССР. М., 1956. С. 235—236; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 390.
7. Шифман М. Л. Прокурор в уголовном процессе. М., 1948.
8. Мухин И. И. Кассационное обжалование, опротестование и пересмотр приговоров. М., 1956.
9. Басков В. И. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968.
10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // СПС «ГАРАНТ-Профессионал. ПРАЙМ». Версия от 25. 10. 2009 г.
11. Дупак Н. Ю. Проблемы реализации государственного обвинения в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
12. Галкин Б. А. Функции прокурора в советском уголовном процессе // Сов. гос-во и право. 1957. № 12. С. 33.; Баксалова А. М. Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором и ее реализация на судебном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2002. С. 27.
13. Как справедливо отмечает И. Р. Харченко, «уголовное преследование имеет публично-правовой, официальный характер и сохраняет свое преобладающее положение» (Харченко И. Р. Проблемы уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке, в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 87).
14. Скорик Н. В. Прокурор в стадии кассационного производства в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1967.
15. Басков В. И., Темушкин О. П. Прокурор в суде второй инстанции по уголовным делам. М., 1972.
16. Аширбекова М. Т., Кудин Ф. М. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации). Волгоград, 2007.
17. По специальной анкете нами были опрошены 26 прокурорских работников в Карачаево-Черкесской Республике, 25 — в Брянской области, 21 — в Калужской области, 22 — в Волгоградской области, 27 — в Республике Марий Эл.
18. О выполнении прокурором правозащитной функции в судебном процессе см.: Ульянов В. Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002.
19. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // СПС «ГАРАНТ-Профессионал. ПРАЙМ». Версия от 25. 10. 2009 г.

В статье дается определение понятия методики многообъектной идентификационной судебно-почерковедческой экспертизы, раскрывается структура и содержание каждого из уровней, этапов и стадий исследования. Предлагается установленный алгоритм действий эксперта, направленный на решение идентификационных задач.